

Круковский Михаил Антонович

Маленькие люди

Рассказы и сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Антонович К.**
Маленькие люди: Рассказы и сказки / Круковский Михаил Антонович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 380 с.

ISBN 978-5-519-91286-0

ISBN 978-5-519-91286-0

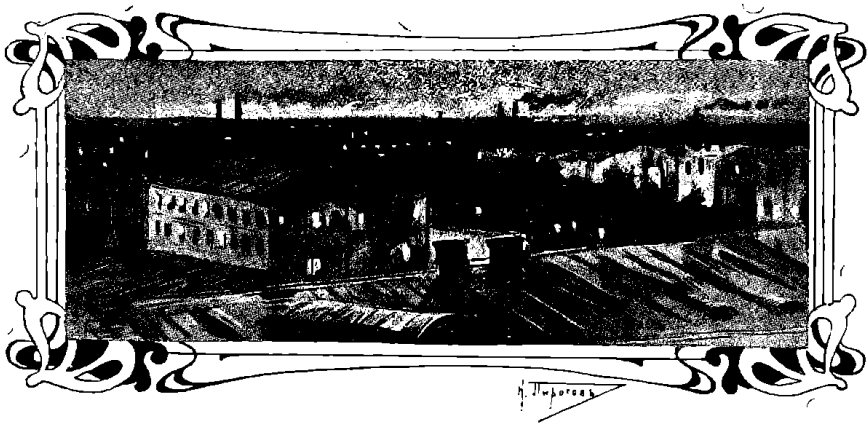
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Маленькіе люди.

Это былъ замѣчательно уютный и симпатичный дворикъ такой симпатичный, что всякому приходило на мысль, что здѣсь непременно должны жить хорошіе люди. Онъ начинался у самыхъ воротъ, выходившихъ на немощеную улицу окраины большого города, и шелъ куда-то въ глубь, а куда именно, этого и нельзя было сказать, потому что за тѣми деревьями, которыми онъ былъ усаженъ, ничего не было видно. Деревья, большія ивы и березы, росли здѣсь на свободѣ, никто ихъ здѣсь не трогалъ, не ломалъ ихъ сучьевъ, и поэтому, изъ благодарности къ обитателямъ дворика онѣ давали имъ тѣнь лѣтомъ, а зимой закрывали отъ снѣжныхъ вихрей. И было бы что имъ защищать! Если бы это были большіе хоромы, каменные дома, со множествомъ оконъ, балконовъ, съ красивыми фронтонами, тогда другое дѣло. Но это были всего на всего двѣ маленькія-премаленькія избушки, какъ говорятъ— на курьихъ ножкахъ, низкія, покосившіяся, подпертыя колыями, ушедшія окнами въ землю. Такъ стоило ли деревьямъ хлопотать изъ за такихъ избушекъ! И если бы въ этихъ мазанкахъ жили образованные, понимающіе люди, которые могли бы оцѣнить красоту деревьевъ; но вѣдь даже и этого не было, потому что въ обѣихъ избушкахъ жили двое

никому неизвѣстныхъ, простыхъ человѣка: въ одной—старушка Дарья, въ другой—большой, широкій въ костяхъ парень Михайла. А между тѣмъ, деревья и люди жили въ большой дружбѣ, всегда поддерживали другъ друга, а одна изъ березъ даже заботливо протянула надъ одной изъ избушекъ двѣ свои длинныя, мощныя вѣтви, словно желая закрыть ее и принять подъ свою защиту. Вотъ поэтому, каждому, кто ни заходилъ на этотъ маленькій, глухой дворикъ, казалось, что здѣсь непременно должны жить хорошіе люди.

И дѣйствительно, людей, добрѣ бабушки Дарьи и широкаго въ костяхъ парня Михайлы, трудно было найти на свѣтѣ. Старушка Дарья была такая же маленькая, какъ и избушка, въ которой она жила, а издали ее легко можно было принять за дѣвочку. Лицо ея было покрыто такимъ обиліемъ морщинъ, мелкихъ, крупныхъ, глубокихъ, что неопытный человѣкъ пожалуй, испугался бы и подумалъ: «вотъ такъ старушка: такая маленькая, и такая сердитая». Но кто умѣетъ разбираться въ морщинахъ и читать по нимъ человѣческую душу, тотъ сразу понялъ бы, что эти морщины—добрыя. У старушки былъ небольшой, заостренный носъ, маленькіе, сѣрые глаза, а надъ лѣвой бровью удобно размѣстилась и крѣпко-накрѣпко засѣла предобродушнѣйшая бородавка, изъ которой презабавно торчали два упругихъ, сѣдыхъ волоска. Голова старушки сильно тряслась, а маленькіе глаза плохо видѣли; но тѣмъ не менѣе старушка работала съ утра до ночи, а иногда даже и въ бессонную ночь,—она была удивительно трудолюбивый человѣкъ, и своими руками зарабатывала свой хлѣбъ. И что такое она работала! Можетъ быть кто подумаетъ, что она была занята какимъ нибудь чистымъ, благороднымъ трудомъ! О нѣтъ; это былъ грязный, черный трудъ, на который только и были способны руки старушки; но даже и повѣрить трудно, какъ былъ полезенъ и важенъ для человѣчества этотъ незатѣйливый, грубый

трудъ. Старушка вязала людямъ чулки, а люди платили ей за это, какъ за самую ничтожную работу, хотя надо признаться, что чулокъ—одна изъ самыхъ важныхъ частей человѣческой одежды, важнѣе даже этого яркаго, дорогого галстуха, который важно сидить на шеѣ людей для ихъ украшенія. Но старушкѣ никогда въ голову не приходило, что она своей работой приноситъ людямъ великую пользу; напротивъ, она думала, что ея трудъ ничего не стоитъ, думала такъ, потому что ей платили за него самые гроши, а вѣдь извѣстно, что чѣмъ трудъ полезнѣе, тѣмъ онъ дороже оплачивается. Увы, старушка не знала, что всякій разумный трудъ почтененъ и великъ, и когда ей платили деньги за работу, она брала ихъ, краснѣя подъ своими густыми морщинами и стыдливо опуская глаза. Ей казалось, что люди такъ много платятъ за ея ничтожный трудъ, что они такъ добры... и она, своей старческой походкой спѣшила въ лавки, чтобы на одну половину заработка купить шерсти для работы, на другую—молока и хлѣба на обѣдъ и ужинъ.

А Михайла... Въ сравненіи съ трудолюбивой старушкой онъ былъ гуляка. Онъ ничего не дѣлалъ и не хотѣлъ дѣлать. Ему бы только лежать на постели, или сидѣть на порогѣ, смотрѣть въ пространство своими большими, синими глазами, да говорить стихи. Ширококостный, большой, съ всклокоченной головой, онъ походилъ на большого ребенка. Но развѣ у ребенка бываетъ такой большой, крупный носъ, какой былъ у Михайлы? А носъ у него дѣйствительно былъ не маленькій. Широкій, круглый, толстый, онъ походилъ на большую картофелину, а смотрѣлъ онъ на свѣтъ божій двумя большими ноздрями, высоко поднятыми кверху. Но это былъ презабавный носъ, потому что стоило лицу лишь немного разсмѣяться, какъ носъ уже смѣялся до упаду и кто ни посмотритъ на него, всякому становится весело. Больше того, сначала смѣялся носъ, а потомъ уже лицо, такъ что всякому, взгля-

нувшему на носъ Михайлы, довольно было, чтобы разсмѣяться и придти въ веселое расположеніе. А старушка Дарья только по носу Михайлы и угадывала, веселъ онъ или скученъ, и часто, только взглянетъ на его смѣющийся носъ, и скажетъ про него: «ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ».

И дѣйствительно, несмотря на свой большой, круглый, съ открытыми ноздрями носъ, какого у дѣтей никогда и не бываетъ, Михайла въ душѣ былъ настоящий ребенокъ. Онъ любилъ «свою старушку», такъ онъ называлъ бабушку Дарью, какъ сынъ, служилъ ей, когда надо было, а остальное время сидѣлъ безъ дѣла на солнышкѣ, грѣя свою лохматую голову, говорилъ вслухъ стихи, или, лежа на травѣ, искалъ въ ней букашку, а поймавъ ее, по цѣлымъ часамъ разсматривалъ ее и игралъ съ ней, какъ маленькое дитя.

Но лѣнтяемъ онъ не былъ. Иногда старушка Дарья просила его нарубить дровъ, онъ немедленно бралъ топоръ и рубилъ дрова съ такимъ усердіемъ, точно мечемъ рубилъ какое-то вражеское войско.

Рубить дрова—это было единственное занятіе, которое Михайла зналъ въ совершенствѣ и которое любилъ. Что можетъ быть проще и грубѣе такого занятія, а между тѣмъ, какъ чулокъ необходимъ для человѣческаго довольства и спокойствія, такъ и колотые дрова составляютъ неизбѣжную и необходимую часть человѣческаго благополучія, и Михайла своимъ грубымъ трудомъ приносилъ людямъ немалую пользу. Но объ этой пользѣ онъ никогда и не думалъ, да и могло ли ему придти это въ голову, когда за его трудъ ему такъ немного платили.

Многаго ему, впрочемъ, и не нужно было. Когда голодъ начиналъ донимать его, онъ уходилъ съ топоромъ въ рукахъ на набережную, гдѣ продавали дрова, и тамъ, сидя на бревнѣ, поджидалъ, когда наймутъ его нарубить дрова, или убрать ихъ въ сарай. Обыкновенно, его скоро нанимали, онъ работалъ надъ дро-

вами, точно желая уничтожить ихъ, а потомъ, получивъ заработокъ, шелъ домой, и сидѣлъ дома до тѣхъ поръ, пока голодъ опять не прогонялъ на работу.

А впрочемъ, были у Михайлы и еще два занятія. Одно состояло въ томъ, что когда его старушка сидѣла надъ чулкомъ, трудолюбиво ковыряя спицами, онъ разводилъ огонь на очагѣ и варилъ какую-нибудь похлебку; а другое занятіе—ему Михайла предавался лишь изрѣдка—было несравненно труднѣе. Оно состояло въ чтеніи книги и надъ этимъ чтеніемъ Михайла просиживалъ иногда цѣлые часы. У него была всего навсего одна небольшая затасканная книжка, на яркой обложкѣ которой былъ нарисованъ богатырь, сражающійся съ страшнымъ, крылатымъ дракономъ. И всегда, когда Михайла ни рассматривалъ этого дракона, ему страшно хотѣлось узнать, что такое о немъ въ книжкѣ написано. И несмотря на то, что книжку онъ читалъ уже три года, онъ не зналъ, что въ ней написано, а это потому, что послѣ первой же строчки на низкомъ лбу Михайлы появлялись крупныя капли пота, голова кружилась, въ груди спирало дыханіе.

— Дровъ—во сколько нарубилъ бы, а этой книги не одолѣть ни за что,—соображалъ Михайла и съ грустью откладывалъ книжку въ сторону.

Но если Михайлѣ не давалось чтеніе, за то онъ хорошо запоминалъ стихи и пѣсни, какія приходилось слышать, и въ этомъ онъ былъ прямой противоположностью тѣмъ, кто хорошо умѣетъ читать, и много читаетъ, но мало запоминаетъ стихъ и мало любитъ его. Со своей старушкой, съ посторонними, даже съ неодушевленными предметами Михайла всегда говорилъ стихотворнымъ языкомъ, это потому, что въ душѣ онъ былъ лирикъ. Онъ одинаково любилъ, какъ свою старушку, такъ и дворикъ, и деревья, закрывавшія своими вѣтками избушку, и солнышко, и синее небо. И когда лѣтній день приходилъ къ концу, въ воздухѣ чужалось спокойствіе и прохлады, а откуда-то доносился

звукъ веселой гармоникѣ, но издали печальный, который будоражилъ поэтическую душу Михайлы, онъ впадалъ въ стихотворное настроеніе, и, сидя на порогѣ избышки, говорилъ все, что ему приходило въ голову, а старушка Дарья, трудолюбиво ковыряя чулокъ, слушала его, полузакрывъ глаза.

— «Голубка моя—говорилъ Михайла, обращаясь къ старушкѣ, кивая головой и глядя въ даль,—умчимся въ края, гдѣ все, какъ и ты, совершенство... и будемъ мы тамъ дѣлать пополамъ и радость, и счастья блаженство»...

— Ой, дитя, дитя малое!—шептала старушка.

— Старушка моя! продолжалъ Михайла,—люблю я тебя всей душою моею, безконечно... Деревья люблю,—и Михайла махнулъ рукой въ сторону деревьевъ—люблю и траву, и цвѣты... и легкокрылую птицу, и свѣтлое синее небо.

— Ребеночекъ, совсѣмъ ребеночекъ,—шептала старушка, а Михайла, разставляя слова, медленно декламировалъ.

— Ой ты, мѣсяцъ—мѣсяцъ, что глядишь ты на меня!

Старушка оторвала глаза отъ чулка и посмотрѣла на небо, но ничего не увидѣла, потому что небо было темное, безлунное и мѣсяцъ свѣтилъ лишь въ воображеніи Михайлы.

— Что глядишь ты на меня, на меня-ли, на горе горькое, на сироту... Нѣтъ отца и матери, нѣтъ родныхъ и милыхъ, отецъ не приласкаетъ, мать не приглубитъ...

Старушка глубоко вздохнула и готова была заплакать, а Михайла поникъ головой; но вдругъ вскочилъ и, широко размахивая руками, продолжалъ:

— У меня-ль, у молодца, сила богатырская, каменная грудь, сажень между плечъ... я пойду, возьму въ руки острый мечъ, соберу я рать, на врага пойду, буду всѣхъ рубить, не на жизнь, на смерть...

Михайла горячо размахивалъ руками, глаза его блесѣли, а встревоженная старушка говорила ему:

— Ну, успокойся... успокойся... дите ты малое.

Но Михайла долго не могъ успокоиться и говорилъ все, что ему ни шло въ голову, лишь бы складывалось въ какой-нибудь стихъ. И долго еще раздавалась на пустомъ дворикѣ уже погрузившемся въ сумерки, его импровизація; его слушала старушка, сидѣвшая на порогѣ съ чулкомъ въ рукахъ, да березы и ивы, собиравшіяся ко сну. Борясь съ одолѣвавшимъ ихъ сномъ и надвигавшейся темнотой, онѣ благодушно слушали стихи ширококостнаго парня-ребенка, и своими вѣтками ловили послѣдніе, долетавшіе звуки веселой гармоникки, издали казавшіеся такими печальными.

Такъ жили они—старушка Дарья и ширококостный, поэтическій парень Михайла—нѣсколько лѣтъ, жили на небольшомъ зеленомъ дворикѣ, поросшемъ густою травой и лопухами, затѣненнымъ старыми березами и ивами. Жили они душа въ душу, не ссорились, и только изрѣдка свободолюбивый Михайла—большой гуляка по природѣ—пропадалъ гдѣ нибудь и тогда старушкѣ случалось сидѣть безъ дровъ. Но это случалось только весной, когда отъ мягкаго весенняго солнышка растворялась земля, отовсюду неслись свѣжіе запахи, почки на деревьяхъ набухали, стволы зеленѣли, пробивалась травка. Къ этому времени Михайла, скучавшій зиму въ избушкѣ, становился стихотворнѣе, носъ его смотрѣлъ веселѣе, а самъ онъ изрѣдка уже посиживалъ на порогѣ, грѣясь на солнцѣ. Но чуть ледъ на рѣкѣ прошелъ, прилетѣли и запѣли птички, а на деревьяхъ показался листъ, Михайла исчезалъ. Онъ запропадалъ на нѣсколько дней и тогда то и случалось, что Дарья оставалась безъ дровъ. Онъ уходилъ далеко за городъ, туда, гдѣ рѣка впадала въ море, а на песчаномъ берегу росли могучія сосны въ перемежку съ молодыми березками, и тутъ, лежа на пескѣ,

грѣясь на мягкомъ весеннемъ солнышкѣ, или бродя по лѣсу, онъ оставался нѣсколько дней одинъ на одинъ съ природой, разговаривалъ съ ней стихотворнымъ языкомъ, шепталъ ей слова любви... А потомъ, поживъ нѣсколько дней вольной птицей, онъ возвращался на свой, уже густо зазеленѣвшій дворикъ и, выслушавъ воркотню своей старушки, принимался за обычное дѣло, и кололъ ненавистныя дрова съ такимъ остервенѣніемъ, словно они были виновны въ его отлучкѣ.

За исключеніемъ такихъ прогулокъ Михайлы ничто не нарушало тихой жизни на зеленомъ дворикѣ; и старушка и парень жили мирно и спокойно. Они были счастливы. У нихъ было все, что имъ надо было, и больше ничего имъ не было нужно. Но развѣ люди когда нибудь признаются въ своемъ счастьи? Имъ всегда кажется, что они несчастны. Точно также и обитатели зеленого дворика, затѣненнаго березами и ивами, думали, что они несчастны, и иной разъ горько жаловались на свою судьбу. У старушки Дарьи было большое несчастье: она всю жизнь вязала чулки другимъ, а себѣ вотъ уже сколько лѣтъ не могла связать ни одной пары, и ходила въ старыхъ рваныхъ чулкахъ, въ которыхъ ногамъ было холодно. И лучшей мечтой старушки было—когда она разбогатѣетъ—купить чулки.

— Людямъ счастье,—думала старушка, глядя на только что сдѣланные ею чулки, которые она отложила заказчикамъ; она смотрѣла на нихъ, какъ на нѣчто недоступное для себя и считала себя глубоко несчастной.

А у Михайлы было тоже горе. Положимъ, у него тоже не было чулокъ; но онъ ихъ никогда и не носилъ, и не это было его несчастьемъ; его мечтой было купить себѣ пѣсенникъ, по которому можно было бы читать и пѣть стихи; онъ долгіе годы не могъ купить его, несмотря на горячее желаніе, и считалъ себя несчастнымъ.

— Несчастный я—говорилъ онъ,—пѣсенника не могу купить... никакого удовольствія себѣ не могу я доставить...

Увы! не знали они настоящаго несчастья и оба ошибались. Старушка не знала, что и въ чулкахъ люди бываютъ несчастны, и безъ чулокъ бываютъ счастливы, не зналъ и Михайла, что и съ пѣсенникомъ люди,

— Кись-кись-кись!.. — позовалъ Михайла.

лишенные поэтическаго дара, останутся скучными и черствыми, что и безъ пѣсенника поэтическія натуры будутъ пѣть и слагать пѣсни. И оба они жили, мечтая каждый о своемъ счастьи: о томъ, когда обзаведется чулками Дарья, и когда будетъ пѣсни пѣть по пѣсеннику Михайла. И такъ въ ожиданіи этого счастья проходили года.

Но однажды, когда Дарья сидѣла въ своей ла-чужкѣ на кровати и вязала чулокъ, въ открытой двери показалась чужая кошка. Это былъ небывалый здѣсь звѣрекъ, и старушка, глядя на нее и боясь испугать ее, даже перестала шевелить спицами. А кошка между тѣмъ повела носомъ по всѣмъ сторонамъ, долго разсматривала комнату, наконецъ, очевидно оставшись довольной осмотромъ, протяжно мяукнула.

— Кись! Кись! Кись!—тихо позвала ее старушка. Кошка довѣрчиво подошла къ ней, дала себя погладить и начала мурлыкать. Старушка угостила гостью молокомъ, и снова принялась за работу, а кошка между тѣмъ освоилась со всѣмъ домомъ, изслѣдовала всѣ углы и печурки, потомъ усѣлась на лежанкѣ и принялась умывать свою мордочку, чѣмъ привела старушку въ умиленіе.

— Кошка въ домъ—счастье въ домъ,—вспомнила старушка народную примѣту, и боялась шевельнуться, чтобы не испугать кошки.

Но та сидѣла спокойно, вовсе не думая бѣжать. И когда возвратился съ работы Михайла и заглянулъ въ полуоткрытую дверь, то увидалъ кошку, игравшую съ Дарьинымъ клубкомъ. Михайла вошелъ въ комнату, носъ его смѣялся до упаду. Онъ присѣлъ на корточки и началъ смотрѣть на кошку, какъ на какого то чуднаго звѣрька, хотя это была самая обыкновенная, довольно некрасивая кошка, лохматая, пощипанная собаками и забитая.

— Кошечка!—воскликнулъ Михайла и позвалъ:— кись! кись! кись!

Кошка подбѣжала къ нему и должно быть въ знакъ особаго уваженія къ его ширококостной фигурѣ, высоко и торжественно подняла вверхъ хвостъ и изогнула спину, чѣмъ привела Михайлу въ неописуемый восторгъ.

Такъ завелось на зеленомъ дворикѣ у Дарьи и Михайлы новое живое существо.